

— Этот способ придумал глава Сытяньцзяня, живший тысячу лет назад. По записям, он был самоучкой, не принадлежал ни к школе, ни к роду, но прославился ещё юношей. Он усмирил злого духа, от которого пострадала тысяча человек, и стал знаменит во всём мистическом мире. Тогдашний император назначил его главой Сытяньцзяня. Сам император не оставил в истории каких-либо выдающихся достижений — ни больших заслуг, ни больших провалов. Упрекали его в основном за одно. Родных детей у него не было, а после его смерти престол передали родственнику императорского дома. И вот новый император, вступив на трон, обнаружил, что в личной казне предшественника почти не осталось денег. Поэтому современные люди шутливо прозвали его «королём трат». Но я отвлекся. Вернёмся к главе Сытяньцзяня. Его имя уже невозможно установить. В книгах сохранилось лишь несколько забавных историй. Говорили, что он был ленив по натуре, никогда не являлся на дворцовые заседания и не кланялся императору. Кто-то ругал его за высокомерие талантливого человека, а кто-то говорил, что он просто такой от природы. Император-транжир на это не обижался и часто приглашал его во дворец любоваться цветами и пировать. От всего остального глава Сытяньцзяня отказывался при первой возможности, зато на пиры ходил с большим энтузиазмом и не пропускал ни одного, — Линь Ханьчжи сделал паузу, и уголки его губ чуть приподнялись, словно он впервые прочитал эту запись. — Теперь мне кажется, что вы с ним даже немного похожи.

На лице Ци Гу появилось выражение человека, встретившего родственную душу:

— Интересно, какой была еда на древних императорских пирах.

Улыбка Линь Ханьчжи стала шире:

— Нанять ещё нескольких поваров, умеющих готовить дворцовую кухню, и поселить их в главной усадьбе?

Ци Гу:

— ...Не надо. Можно просто сходить в ресторан.

Линь Ханьчжи и так лишь нарочно его дразнил, поэтому продолжил:

— На пятом году службы главы Сытяньцзяня один практик погиб от нечисти при исполнении обязанностей. Тело обработали по тогдашним правилам: провели обряд упокоения, прочитали сутры, положили в гроб и похоронили. Но в ночь седьмого дня после смерти на родовом кладбище этого практика раздался скрежет ногтей по деревянному гробу и рёв нечисти. Он происходил из мистического рода, поэтому, как только слухи распространились, родственники прибыли проверить могилу. Ночью они и правда увидели всё то, о чём днём рассказывали местные. Глава рода на месте решил вскрыть гроб и придумать другой способ усмирить обиду и ярость погибшего. Они сняли верхний слой земли и одновременно выдернули семь гвоздей, подавляющих душу. В ту же секунду поднявшийся труп разбил гроб и вырвался наружу. Он перебил всех родственников, которые находились рядом. Среди них был даже его родной ребёнок, которого при жизни он любил больше всего. Тот держал персиковый меч, который

отец сам вырезал ещё при жизни, видимо надеясь пробудить в нём остатки сознания. Но ничего не получилось. Поднявшийся труп одним движением пробил ему грудь насквозь и оставил в груди огромную дыру. Когда на рассвете люди нашли тела, чёрная кровь уже полностью вытекла из сердец всех погибших, а сам труп из гроба лежал рядом тихо и неподвижно.

— Вскоре то же самое повторилось. На этот раз родственники не пришли проверять могилу, и поднявшийся труп сбежал. Всего за месяц произошло три похожих случая. Глава Сытяньцзяня решил лично разобраться: осмотрел родовые кладбища и приказал практикам ведомства отслеживать две сбежавшие твари, чтобы схватить их. Причина появления таких «восставших трупов» в книгах не указана. Там только написано, что в конце концов глава Сытяньцзяня решил впредь хоронить всех практиков, погибших насильственной смертью, на дне реки Хуайань, подавляя их драконьей жилой, — Линь Ханьчжи посмотрел на Ци Гу. Убедившись, что вопросов нет, он уже хотел продолжить.

Но беззаботное выражение Ци Гу стало тяжёлым:

— Тогда твои родственники тоже...

Линь Ханьчжи тихо ответил:

— Да. Несколько десятилетий назад драконья жила начала хуже подавлять поднявшиеся тела. Они ревели и скреблись на дне реки, от чего жители обоих берегов ночами не могли спать, а слухи о призраках в реке разошлись повсюду. Предшественник начальника Вана тогда привёл людей на проверку и в итоге, благодаря тому самому телу, которое не сбежало, а успокоилось, придумал новый способ: кровь потомков способна усмирить взбесившиеся тела.

— На дне в основном похоронены ученики крупных мистических родов и школ. Значит, их можно успокаивать кровью потомков. Но дело слишком важное, поэтому предыдущий начальник не хотел раскрывать правду, опасаясь вмешательства людей с дурными намерениями. Каждый год всем просто говорили, что в Управлении проводится медосмотр со сдачей крови, а затем эту кровь отправляли на дно реки, чтобы подавлять поднявшиеся тела.

— А твоё постоянное задание...

— На дне много людей семьи Линь. Большинство при жизни были очень сильны, поэтому моей крови им требуется больше, чем крови потомков других родов. А у семьи Линь, как назло, почти не осталось наследников, — встретившись с влажными глазами Ци Гу, Линь Ханьчжи, который так любил изображать перед ним слабость, выдавил безразличную улыбку. — Просто каждый месяц спускаюсь на дно и выпускаю немного крови. Ничего страшного. Считаю, активно откликаюсь на государственный призыв сдавать кровь.

Ци Гу положил голову ему на плечо и крепко обнял за узкую сильную талию:

— Мне больше нравится, когда ты плачешь передо мной, как раньше, чем когда улыбаешься вот так.

Натянутая улыбка на губах Линь Ханьчжи застыла, затем медленно исчезла. Он несколько раз разомкнул губы и только потом сказал:

— На дне очень темно. Очень тихо. Задание секретное, нельзя много рассказывать другим. Первые несколько раз начальник Ван ходил со мной, но у него и так было столько дел, что голова кругом шла. А каждый раз ещё приходилось выкраивать время и сопровождать меня. Я сказал ему, что справлюсь сам. Я ведь не трёхлетний ребёнок, которого взрослый должен водить за руку сдавать кровь.

В голове Ци Гу уже возник образ юного Линь Ханьчжи, в одиночку ныряющего на дно. Вокруг — сплошная тьма, качаются водоросли и мерцают камни, похожие на дрейфующие призрачные силуэты. Он разрезает ладонь, запястье или достаёт кровь из области сердца — и, истекая кровью, слушает, как некогда любимые родственники без всякого сознания безумно ревут и даже пытаются напасть на него.

Сердце Ци Гу словно безжалостно сжала невидимая рука. Он с трудом спросил:

— Ты можешь их видеть?

Линь Ханьчжи закрыл глаза и покачал головой:

— На дне стоит запрет, оставленный тем главой Сытяньцзяня, и его невозможно снять. Достаточно оставить кровь на внешнем механизме, и её затянет внутрь. Когда туда помещают тела практиков, процедура такая же. Подводная гробница устроена так, что внутрь можно войти, но выйти нельзя. Правда, я стоял снаружи у литых железных ворот высотой в несколько чжанов и чувствовал, как внутри поднявшиеся трупы постепенно переходят от безумия к тишине.

— Значит, тот глава Сытяньцзяня ещё тысячу лет назад предвидел сегодняшний результат, поэтому заранее устроил механизм для крови и оставил записи потомкам, — Ци Гу помолчал несколько секунд. — В древности литое железо стоило огромных денег, и простым людям его даже запрещали свободно продавать. А у этой подводной гробницы одни ворота высотой в несколько чжанов... Неужели на её строительство ушла личная казна того самого императора-транжиры?

— Когда я дочитал, тоже так подумал, — сказал Линь Ханьчжи.

— Тогда, выходит, он был хорошим императором. Подданный захотел опустошить его личную казну — а он без колебаний отдал всё... — Ци Гу продолжил: — На этот раз мы точно не остановимся снаружи, как раньше. Му Синчэня и остальных лучше не брать.

За тысячу лет там наверняка накопились сотни, а то и тысячи поднявшихся трупов практиков. Каждый из них, вероятно, чрезвычайно силен. С такими противниками молодым не справиться.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/19046/1949247>